

**Интернациональный
Союз Писателей**

ПАМЯТЬ

Группа ИСП ВКонтакте

Валентина Спирина

Память. Группа ИСП ВКонтакте

«Издательские решения»

Спирина В.

Память. Группа ИСП ВКонтакте / В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967961-1

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» — слова песни из к/ф «Офицеры»... Как точно они отражают горькую действительность — погибшие в страшной войне есть в каждом доме. Они погибли, выполняя свой долг, а долг каждого из нас — сохранить этот мир, сохранить память о Героях Великой Отечественной Войны. Ибо... Пока мы помним — они живы и этот кошмар не повторится. Всем павшим на полях сражений, всем труженикам тыла, всем детям войны — посвящается...

ISBN 978-5-44-967961-1

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Интернациональный Союз Писателей	6
Марат Валеев	7
Валеева (Гатина) Раиса Каримовна	7
Антон Валентинович Мукто	18
Простите меня, дядя Вася...	23
Приключения Бориса Едомина	25
Сбежал парнишка на войну...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Память

Группа ИСП ВКонтакте

Редактор Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7961-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интернациональный Союз Писателей

Интернациональный Союз писателей (Международный Союз писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов) является крупнейшей в мире организацией профессиональных писателей.

Наш Союз был основан в 1954 году.

До недавнего времени штаб-квартира организации находилась в Париже, в данный момент основное подразделение расположено в Москве.

*Наш адрес: метро Преображенская площадь, ул. Электрозаводская 52,
Бизнес Центр «Колибрис» индекс 107023*

Организация объединяет писательские союзы более чем 40 стран мира. ИСП защищает социальные и профессиональные права писателей и журналистов.

В конце 2018 года правление ИСП избрало нового президента организации. Им стал американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий Хьюго, «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и других – Майкл Суэнвик.

<https://t.me/inwriter>

<https://vk.com/inwriter>

<http://inwriter.ru>

<https://web.facebook.com/groups/soyuz.pisateley>

Важно! Произведения в сборнике не рецензируются, опубликованы в авторской редакции и с согласия авторов.

Марат Валеев

Валеева (Гатина) Раиса Каримовна

Мамины записки

Необходимое предисловие.

Это я надоумил написать нижеприведенные заметки свою маму, Валееву (в девичестве Гатину) Раису Каримовну. С детства помню, как она, не сдерживая слез, частенько рассказывала нам, своим детям, о том, сколько ей пришлось вынести во время коллективизации, войны, в послевоенное время. Как-то я приехал к маме на юбилей в Хабаровский край, где она в то время жила в семье моей сестры Розы. Маме исполнилось 80, но она по-прежнему была бодра, жизнерадостна. Однако как только дело коснулось воспоминаний – все, опять слезы, пожелания «никому не пережить такого». Вот тогда я и сказал: «Мама, а ты запиши свои воспоминания и пришли их мне. А я подумаю, что с ними можно сделать. И мама согласилась.

За два неполных года она исписала и прислала мне 29 общих школьных тетрадей. Я представляю, как непросто далась ей эта работа. Во-первых, образование у моей мамы – четыре класса татарской школы (больше закончить не успела – в 1938 году вся мамина семья бежала из своей деревни от страшного голода в Баку, а там уже было не до учебы, надо было работать, и русскую грамоту она освоила самостоятельно). А во-вторых – все же возраст... Вот тут ей было плохо, видно по тому, как почерк изменился. Вот здесь она всплакнула, и строчки расплылись под ее слезами. Но она сделала это – написала свои воспоминания, и заново пережила всю свою жизнь в этих 29 тетрадках. А я потом переработал их, и получилась самиздатовская книжка с немудреным, но емким названием «...Не поле перейти» объемом в 62 странички и с 40 главами, в которые уместилась ее вся такая бесхитростная и в то же время очень непростая жизнь, и эту книжку я и подарил ей на очередной день ее рождения.

Она не героиня, моя мама. Она простая российско-татарская, женщина, на долю которой, как и на долю миллионов ее сверстниц, выпало много тягот и лишений. А в «награду» ей долго не хотели засчитывать в пенсионный стаж ее колхозный период, тяжкий труд на мобилизационных работах. Но справедливость все же восторжествовала, и моя мама официально была признана ветераном Великой Отечественной войны, награждена рядом юбилейных медалей. Она немного не дожила до 65-летия Великой Победы и до своего 85-летия, скончавшись 20 апреля 2010 года.

Публикуется та часть ее воспоминаний, которая относится к периоду Великой Отечественной войны.

*Марат ВАЛЕЕВ,
член Союза российских писателей,
г. Красноярск.*

Первая мобилизация

23 июня 1941 года из райцентра Мамыково к нам в Старую Амзю приехал офицер из военкомата, они вместе с председателем провели общее собрание колхозников, на котором и рассказали, что началась война. Тот, что с военкомата, сказал, что он привез с собой повестки, мужчины с 18 до 45 лет будут мобилизованы в армию.

А кроме того, зачитал приказ, что из нашей деревни мобилизуют на оборонные работы 21 парней и девчат с 16 лет – строить вторую железнодорожную линию от Ульяновска в двух

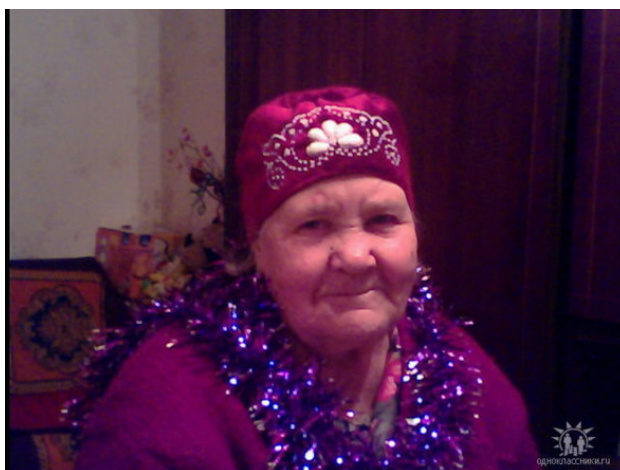
направлениях – до Москвы и на Урал. Это нужно, чтобы везти на фронт технику и войска, а с фронта раненых, чтобы железная дорога работала безостановочно, чтобы поезда не ждали, когда проедут встречные составы.

Мобилизовали также взрослых в возрасте от 45 до 50 лет. Стали зачитывать списки мобилизованных: Амирханова Майра, Баталова Асылбикя, Гатина Райса... Когда зачитали мое имя, мама и папа сразу крикнули: «Как Райса, она же совсем девчонка, ей же еще нет 16». «Через месяц исполнится, – сказал военный начальник. – Так что тоже попадает на оборонные работы. А кто будет отклоняться или захочет скрыться, будет считаться дезертиром, и того посадят на 5—7 лет».

На колхозной площади, где проходило собрание, поднялся крик, плач. Да, по годам я была еще совсем девчонкой, но прекрасно понимала, что с наступлением войны детство мое закончилось, как и у всех моих подруг.

После собрания все разошлись по домам, многие чтобы готовиться в дальнюю дорогу. Папа сказал, что надо бы быстро разобрать старый дом на дрова, пока он дома, а то, не дай Бог, его тоже мобилизуют. А этих дров года на три может хватить.

Мама испугалась: «Неужели война так долго будет идти?», и заплакала. Папа, как мог, успокаивал ее. А 27 июня 1941 года бригадир принес мне повестку и сказал, что завтра до обеда надо быть уже в Мамыково, на военной комиссии.

В этот же день повестки получили и мои сродные сестры Гаршия, Гульжамал, Минжамал... Мама собрала меня в дорогу, я только чай попила, как у нашего дома остановилась машина с крытым кузовом.

Я простилась с родными (папы дома не было, он в тот день был на работе – на мельнице), взяла сумку с продуктами, которые мне в дорогу сготовила мама, села в кузов, и машина поехала к конторе. А там уже полно народу, и папа на велосипеде подъехал с мельницы, чтобы успеть проводить меня. Все, кто должен был ехать на комиссию, 21 человек, поднялись в кузов, и машина тронулась...

Комиссию проходили в районной больнице, всех признали годными. Сопровождающий нас офицер сказал, что сегодня же нас отвезут домой, дадут два дня на сборы и проводы, и снова в путь, теперь уже в Нурлат, на поезд, который повезет нас в Ульяновск.

Строим железную дорогу

И вот нас на поезде привезли в Ульяновск, здесь пересадили на большие военные машины (было много других девчат и парней из других районов), по 50 человек в каждую, и привезли куда-то в безлюдное место.

Высадили прямо на краю ржаного поля, а вокруг стояло много больших палаток, в каждой по 35 деревянных коек с соломенными матрасами и ватными подушками, с синими одеялами. Мы заняли каждый свою койку, нас познакомили с нашими начальниками. Начальником той группы, в которой была я (в основном все девчонки-татарки из двух деревень), был мужчина лет сорока, он зачитал наши фамилии по списку – так познакомился со всеми. Себя он назвал Иваном Григорьевичем. Поскольку в нашей группе по-русски хорошо говорила только я, то была у него как переводчик. Он отдавал все распоряжения через меня.

В первый же день после обеда нас повезли от нашего лагеря за 10 километров. Здесь нам дали лопаты и показали, как готовить насыпь под железнодорожное полотно – становились с обеих сторон отведенной линии, рыли кювет и землю бросали в середину, а потом разравнивали ручным катком. Затем на эту насыпь еще сыпали щебень и утрамбовывали катками.

А затем укладывали шпалы – по двое становились на каждый конец тяжелого и вонючего, чем-то пропитанного бруса, от запаха которого кружилась голова, и несли на веревках на путь и укладывали на строго отмеренном расстоянии. Иван Григорьевич назначил меня звеньевой (я ведь и в колхозе была звеньевой). Я записывала в тетрадь, сколько за день делалось нами работы. Вечером, перед отъездом на ужин, Иван Григорьевич переписал себе для наряда, сколько мы проложили пути. Получилось, что за один рабочий день наше звено из 37 человек (28 девчат и 9 парнишек) подготовило под прокладку шпал 21 метр полотна. А таких звеньев было много, всего в них было около 800 человек, это и с нашей, и с московской стороны. От Ульяновска дорогу при этом строили татары, от Москвы – русские.

Иван Григорьевич похвалил нас за хорошую работу. Но за этот день мы очень устали, просто валились с ног. Нас привезли к нашим палаткам, мы поужинали в столовой и отправились спать. Некоторые девчонки стали жаловаться, что это настоящая каторга, лучше убежать. Я напредила, что за это могут и посадить. И все же через три дня, утром 30 июля, мы недосчитались пятерых девчонок из нашей и соседней деревень. Одной было 19, другой 17 лет, еще троим по 16.

Иван Григорьевич за завтраком заметил, что мы сидим за столами не полным составом, стал интересоваться, кого не хватает, почему. Девчонок тут же объявили в розыск. Прошло два месяца, за это время в сторону Москвы было построено 200 километров железной дороги, и к тому же времени мы узнали, что сбежавших девчонок поймали где-то за Ульяновском, судили и дали по одному году. Но в тюрьме они только ночевали, а весь день работали под конвоем, причем на самых тяжелых работах.

Иван Григорьевич узнавал про них и рассказывал, что они все время плачут и просят обратно к нам. Я сама расплакалась, когда узнала, в какое положение попали наши девчонки. Иван Григорьевич сказал, что можно попробовать им помочь, если написать заявление с просьбой отпустить их в нашу бригаду на поруки. И у нас получилось, девчонок под конвоем привезли из Ульяновска к нам. Мы их обнимали, целовали, плакали от счастья. А потом снова включились в работу, и очень старались, чтобы все это скорее кончилось.

24 августа 1941 года я запомнила на всю жизнь – в этот день оба конца железной дороги соединились, а нашему звену дали красный флажок как передовому. Мы не только первыми закончили свой участок, но еще помогли уложить шпалы на участке в полтора километра тем, кто тянул линию со стороны Москвы.

А всего наше звено сделало больше плана 13,5 километра железнодорожного полотна. Вечером было торжественное собрание, лучших наградили премиями и подарками и вручили дорожные билеты. Вызывали звеньевых по алфавиту: сначала назвали Асылханову, потом Булатову, Валиулину, а потом назвали мое имя: «Гатина Райса Каримовна». Я получила деньги в конверте – там было 100 рублей, платок и шоколадку.

Домой, но ненадолго

В 12 часов ночи за нами пришли машины, мы собрали свои пожитки (а палатки оставались на месте – говорили, что после нас здесь будет военный лагерь, будут обучать молодых солдат перед отправкой на фронт) и поехали в Ульяновск. Ехали почти 200 километров, потом пересели на поезд, и он повез нас в Нурлат. В Нурлате нас уже встречали родственники и родители. За мной приехал папа. Мы пересели в машины и поехали в родную деревню.

Когда стали подъезжать к Старой Амзе, все от радости закричали и запели, так соскучились по дому. Мама уже истопила баньку, я помылась, уселись за стол, родители стали расспрашивать, как там было да что. Ну, я все рассказала, они только удивлялись, как это мы, совсем еще дети, выполняли такую тяжелую работу, да еще с перевыполнением. А я сказала, что это колхозная жизнь нас приучила не бояться никакой тяжелой работы. Тем более грех было не стараться – наша работа нужна была для поддержки фронта.

Отдохнула всего два дня, тут бригадир приходит, говорит: «Надо картошку полоть. Пока вас, молодых, не было, полоть было некому, вся заросла, потом выкапывать ее невозможно будет». Я собрала своих девчат, и мы пошли в поле. А трава уже вся старая, стебли как деревянные, и тяпки тупились очень быстро, приходилось точить их очень часто. Этим занимался мой младший братишка Акрам, за это ему каждый день писали по два трудодня.

Только пропололи картошку, нас тут же направили на уборку сахарной свеклы. Две недели дергали свеклу, там подошла пора убирать картошку, а после первого морозца – капусту; после капусты на складах перелопачивали зерно, чтобы не сторело, за телятами ухаживали... Мужчин в деревне почти не осталось, и приходилось работать за двоих-троих. Про все новости на войне узнавали по радио (эти тарелки поставили бесплатно в каждом доме, как только война началась) и на собраниях.

Однажды приехал из конторы дядя Паша, который тоже с нами работал на ферме, и сказал, что, наверное, девчатам надо опять готовиться в дорогу. Оказывается, из Казани пришел приказ: мобилизовать на копку окопов и траншей женщин от 16 и до 40 лет, по 35 человек от каждой деревни. Вот как только Волга замерзнет, так и отправят нас за 300 километров от Казани на оборонительные работы. Опять дома крик, плач: «Да что же это такое, да кто же зимой окопы копает?».

На следующий день мне пришла повестка – на окопные работы, а вместе со мной такие повестки получили еще 25 человек из Старой Амзи. Через день за нами пришла машина, и 5 ноября 1941 года мы опять были в дороге.

Окопы, траншеи, дзоты...

Привезли нас в город Чистополь, дальше ехать было нельзя – лед на Капе был еще тонкий. Нам сказали, что будем переправляться через Каму пешком. Никогда не забуду этот день 6 ноября 1941 года, так было страшно. Нам всем дали по длинной палке, чтобы пробовать перед собой лед. А все бояться идти – Кама показалась нам страшно широкой, а лед тонким.

Вперед пошел сопровождающий нас солдат, потом уж потихоньку за ним и мы, с расстоянием в 5—6 метров между человеком. Шли и молились, чтобы лед не провалился. Но все обошлось, никто не провалился. Да и какой вес был у нас тогда, недоедавших и еще совсем не взрослых? На той стороне нас уже ждали машины. И когда мы перешли Каму, все закричали «Ура!».

Когда погрузились и поехали в сторону Казани, я стала расспрашивать сопровождающего нас военного, надолго ли нас задержат на земляных работах, почему надо копать зимой и что именно мы будем копать – нам ведь толком так ничего и не объяснили. Этот военный рассказал, что копают окопы, траншеи, блиндажи, дзоты уже с лета, москвичи копают. А мы едем им в помощь, и будем копать им навстречу со стороны Татарии. А почему зимой копать... Да потому что летом все не успели сделать. Копать окопы надо для того, чтобы, если немцы прорут со стороны Москвы, задержать их перед Казанью.

В Казани нас пересадили на другие, военные машины и повезли дальше на запад. 8 ноября мы были уже на месте работ. Это было поле, кругом стояли скирды соломы, некоторые горели. Оказывается, тут же учили стрелять из винтовок, пулеметов и пушек солдат. Многие из них были еще в гражданской одежде. Вот так, под выстрелы, мы и копали эти окопы и траншеи. До сих пор помню размеры блиндажа: три метра в глубину, четыре в ширину и восемь в длину.

Жили мы в двойных брезентовых палатках на 50 человек, они отапливались двумя железными печками. На протянутых веревках сушили после работы свою одежду, лапти. Да, я забыла сказать – почти все мы были в лаптях, так тогда ходили во всех татарских деревнях. Правда, потом нам привезли какую-то обувь, не знаю, как ее назвать – калоши не калоши, сшитые из лошадиных шкур. Эта обувь была все же лучше лаптей. Еще лучше было, если получалось надеть сразу и лапти, и вот эти кожаные калоши.

Поднимали нас в 6 утра, рабочий день начинался в семь утра и заканчивался в семь вечера. Долбить мерзлую землю было страшно тяжело, у нас у всех руки были в полопавшихся мозолях. Медсестры каждый день делали нам перевязки, лопнувшие мозоли смазывали какой-то желтой мазью.

От работы никого не освобождали, это надо было или сильно заболеть, или умереть. Но болели мало и не умирали, а копали и копали. Кормили нас, правда, очень хорошо. Так же, как солдатам, варили еду в полевых котлах на колесах и привозили прямо к месту работы. Вот так мы встретили здесь, в окопах, новый 1942 год, и продолжали копать их до 27 марта.

В этот день мы соединились с московскими колхозниками, которые тянули траншеи в нашу сторону. Но их-то всех отпустили домой, а татарстанцев, заставили еще заготавливать еловые бревна для блиндажей. Мы чуть с ума не сошли от горя – ведь нам обещали, что нас отпустят, когда соединимся с москвичами, мы и домой писали, чтобы ждали нас ранней весной. А оно вон как повернулось.

На лесоповале

Ездили в лес за 100 километров и там пилили деревья. Помню, что лес был очень красивый, заснеженные ели стояли прямо как в сказке, и очень жалко было такой лес губить.

Вот уже апрель кончился, май пошел, а мы все пилим. Девчата все плачут, домой хотят. Ну, я не выдержала и пошла к нашему военному начальнику спросить, когда же нас отпустят домой. А начальник меня пристыдил. Дескать, там такая страшная война идет, все разбомбили, столько людей убило, а над вами самолеты не летают, бомбы и снаряды на вас не падают. Ну, конечно, тяжело вам, но ведь все живы-здоровы и домой все вернетесь. Надо еще потерпеть немного, ваша работа очень нужна, фашистская армия очень сильная и все может случиться, поэтому то, что вы делаете – это на тот самый случай.

Я вернулась в свою палатку и все передала нашим. Никто и слова не сказал, все все поняли, и продолжали работать. Да, я еще пожаловалась начальнику, что сейчас в лесу все растаяло, а мы в лаптях, и ноги у всех мокрые, нам бы обувь какую-нибудь. А начальник мне говорит: «Что же вы раньше молчали? Ладно, что-нибудь придумаем. «Скажи, сколько в твоём звене человек, и какого размера обувь нужна?». Господи, да у нас почти никто не знал, что такое размер обуви – с детства все ходили в лаптях. Правда, я свой размер уже знала – 37-й (в Баку носила настоящие туфли).

В общем, на другой день мы делегацией в девять человек пошли в стоящую рядом воинскую часть, и там нам со склада выдали 70 пар ботинок самого разного размера. Мы их принесли в свою палатку, и здесь уже каждый выбирал, что подходит по размеру, а лишние ботинки вернули обратно. Девчата опять в слезы: «Значит, нас еще надолго оставят здесь». И точно, через какое-то время нас отправили на новое место, еще на 80 километров ближе к Москве. Там нас поселили уже не в палатках, а в деревянных бараках, даже с радиоприемниками.

Здесь мы впервые за последние месяцы сами услышали, что передает Москва про войну. Слушать было страшно – рассказывали, как наши били немцев, и как немцы бомбили поезда с эвакуированными мирными людьми. Особенно запомнилось, когда диктор рассказывал, как 5 немецких самолетов разбомбили поезд, в которых ехали 800 женщин, стариков и детей, и что многие из них погибли. Я переводила нашим деревенским. Девчонки опять в слезы – когда же эта страшная война кончится, когда же мы домой вернемся?

Нам дали неделю отдыха, чтобы мы привели себя в порядок, в бане помылись, домой письма написали. И снова – за работу. А скоро и помощь подоспела – сначала на трех машинах привезли 112 русских молодых парней и девчат, всем лет по 16, не больше, а следом еще 170 человек, уже постарше. За нами закрепили семь машин, которые отвозили напиленный лес на железнодорожную станцию.

Вот уже апрель кончился, май пошел, а мы все пилим и пилим... Наконец, где-то в конце мая нас всех созвали на собрание, поблагодарили за хорошую работу от имени Москвы, и сказали, что мы свое дело сделали, и нас отправят домой. Как мы все обрадовались, как плакали, как хлопали – как будто война кончилась. Нам после бани устроили прощальный ужин, а через день, 29 мая, за нами пришли машины из Казани, и 30 мая мы уже были дома.

Печальные новости

Дома за это время накопилось много новостей, больше печальных. Сестра моя Асия успела выйти замуж, ее мужа Акрама забрали на фронт, а ее саму отправили куда-то рыть окопы. От нее было всего одно письмо, потом она замолчала. Позже пришло письмо от амзинских девчонок, с которыми она работала. Они сообщали, что Асия простудилась в окопах (дело было зимой), сильно заболела и ее положили в больницу. Мама молилась за нее каждый день. Погиб на войне мой двоюродный брат Ильяз, его документы и личные вещи привез Исмагил из соседней деревни Новая Амзя. Они вместе воевали. Самому Исмагилу оторвало ногу по колено. Он рассказал, как погиб Ильяз. В него попали три пули, одна в легкое, две в голову. Бой шел возле какого-то завода, и вместе с Ильязом там похоронили 57 солдат. Моя тетя Василя-апа очень плакала и говорила, что ей снятся плохие сны про Исхака, и она очень за него боится.

Я снова пошла работать в колхоз, выхаживала маленьких ягнят. Но совсем недолго. Как-то мы все дома ужинали, и тут залаяла собака во дворе. Папа пошел посмотреть, кто там, и вернулся с бригадиром. Тот протянул мне повестку: «Райса, тебе завтра надо ехать в Мамыково, на комиссию». Папа спрашивает: «И куда потом из Мамыково?» – «Там скажут». Мама заплакала: «Господи, когда же это кончится!»

Папа пошел в контору узнать, куда меня могут отправить. Я же пошла протопить баню, чтобы помыться перед дорогой. Папа вернулся и сказал, что из нашей деревни 13 человек отправят в Бутайху, это 40 километров от Нурлата. Там уже три месяца приклады к винтовкам делают. В далекую дорогу собрались 9 девчонок и еще четырех пожилых мужчин, кому по 50 и больше лет: Гирфан, Мубаракша, Нургали и Фатих...

На комиссии, это было 10 октября 1942 года, одну из девчонок забраковали, осталось нас восемь. Нам в колхозе дали быков с телегами (лошадей в колхозе не осталось, кроме старых кляч, всех забрали на фронт), вот на них мы и поехали в Бутайху 12 октября. А война становилась все страшнее. Нам рассказывали, что у солдат не хватает винтовок, что немцы издеваются над ранеными и убитыми, истыкивают их штыками, что много 18-летних парнишек и девчонок уходят на фронт добровольно, чтобы мстить немцам, и гибнут тысячами. А вы, говорили нам, счастливчики, хоть и выполняете тяжелую работу, но в вас не стреляют, вас не убивают. Да мы и сами понимали, что надо терпеть и работать, куда бы нас ни посылали.

Зачем быкам крутят хвосты?

На тех же быках, на которых приехали, мы и работали: возили на повозках из Бутайхи готовые приклады к винтовкам в Нурлат. Уже шел ноябрь, все кочки и ухабы замерзли, и колеса телег прыгали на них, увязанные в пачки приклады рассыпались и падали на дорогу. Соберешь их, увяжешь, и снова в дорогу.

Быки оказались очень настырными, все время старались лечь отдохнуть. Только один уляжется на дорогу, глядя на него, тут же валятся с ног и остальные. И хоть ты их убей! Девчонки от отчаяния плакали, мужики ругались. Правда, они все же умели заставить быков подняться: хватали их за хвосты и начинали выкручивать. Тогда только бедные животные от боли вскакивали и снова трогались в путь. И все равно дорога в 80 километров (в оба конца) занимала у нас целых два дня. Так мы мучились целый месяц.

Однажды, когда мы в очередной раз привезли в Нурлат приклады, я услышала знакомый голос: «Райса, Райса!». Смотрю, а ко мне от воинского состава бежит Шакир с гармошкой через плечо (мы с ним перед войной успели подружиться три месяца, но, правда, даже ни разу не поцеловались – уж так я была строго воспитана).

Шакир мне очень обрадовался. Он рассказал мне, что их отправляют в Куйбышев на обучение, а оттуда на фронт. Скоро послышалась команда на посадку. Тут Шакир и говорит: «Давай простимся, может, никогда больше не увидимся». Мы обнялись, вот тогда Шакир и поцеловал меня первый раз. И последний. Уже когда нас отпустили домой из Бутайхи, пришла похоронка на Шакира. Он погиб во время второго своего боя, его убили четыре пули. Погиб и другой парень, который был тогда с ним на станции, а третий вернулся с оторванной ногой. Но это я забежала вперед.

Как-то Мубаракша-абый говорит: «Райса, ты по-русски хорошо знаешь, и язычок у тебя острый. Иди к директору завода, проси машины. На быках много не наработаешь». И девчонки тоже его поддержали. Когда я решилась и пошла к директору, доброму такому пожилому дяденьке, он сказал: «Хорошо, Райса, что ты сама пришла, на вас вот повестки прислали, надо ехать в Мамыково. А зачем – я не знаю, здесь не написано. На месте скажут».

Вот с такой новостью я вернулась в наш барак. Было это 16 декабря 1942 года. С вечера мы собрали свои вещи, улеглись спать. Утром погрузились на машину и поехали в Мамыково. Там прошли военную врачебную комиссию, всех нас признали годными, и повезли домой в деревню, чтобы можно было попрощаться с родителями и ехать на новое место. Военком в Мамыково сказал, что нас направляют на секретный военный завод в Свердловской области, всего на полгода, а затем нас заменят другие.

А теперь – на Урал!

Дома все обрадовались, что я, наконец, вернулась. Но когда я сказала, что уже 20 декабря надо быть в Нурлате, родители очень расстроились. Я их «успокоила», сказала, что я не одна такая, а нас 180 человек мобилизуют с трех районов. Как нам объяснили, за Свердловском, в голом лесу стоит какой-то эвакуированный из Белоруссии военный завод, со своими рабочими, мастерами. А вот разнорабочих, чтобы достроить этот завод, не хватает. Вот нас, колхозников, туда и забирают.

19 декабря мама меня разбудила пораньше, чтобы я успела позавтракать перед дорогой. И тут за окном послышался шум машины, залаяла собака. Папа решил, что это уже за мной приехали, и пошел открывать ворота. А это, оказывается, с оборонных работ вернулась моя сестра Асия. Еще десять минут – и мы бы разминулись. Я повисла у нее на тонкой шее (Асия сильно похудела, все время кашляла). Мы успели поговорить, поплакать. Асия рассказала, что получила от своего мужа Карима два письма, он лежит сильно израненный в госпитале. Он воевал в Сталинграде, 15 декабря у тракторного завода его ранило осколками снаряда в спину, а когда он падал, ему еще и руку пулей пробило. Из его легких уже вытащили 11 осколков, но в теле есть еще немецкое железо и его ждет очередная операция.

Выпили по чашке чая, и тут приехала машина уже за мной. В дом вошел сопровождающий машину солдат, поздоровался по-татарски, посмотрел на меня, покраснел, и потом все время старался поймать мой взгляд (такие взгляды на меня молодые парни в последнее время обращали все чаще и чаще, уже и предложения мне не раз делали), но я-то думала совсем о другом – чтобы скорее война кончилась, чтобы можно было больше никуда из дома не уезжать, а жить с родителями, помогать им. А там видно будет.

Нас всех, кто отправлялся в дальнюю дорогу, собрали в правлении колхоза. Выступил председатель сельсовета. Он просил прощения за то, что нам опять приходится ехать на работы далеко от дома, говорил, что иначе никак нельзя, очень уж война тяжелая, и все должны помогать фронту как только можно.

.... Опять вагон, опять стучат колеса, мы едем все дальше от дома. А за окном редко когда увидишь деревню какую, тем более город, тогда Урал был еще не так сильно заселен, как в наши дни. Уже шел четвертый день, как мы находились в дороге. На другой день утром проснулись, за окном солнышко светит, а мимо нашего поезда едет товарняк, на открытых платформах стоят пушки, танки, накрытые брезентом. А вдалеке видны высокие заводские трубы. Похоже было, что мы уже подъезжаем. Мы еще успели позавтракать, когда поезд, наконец, остановился, и нам объявили, что надо выходить. Это была станция Полевская. Здесь стоял металлургический завод, с четырьмя большими трубами.

Пушки и снаряды – фронту!

Нас привели к новому месту работы, и мы испугались. Это была большая территория, огороженная двумя рядами колючей проволоки, а внутри 4 большие мартеновские печи, где варился металл. Жара, огонь, искры во все стороны. Нашей обязанностью оказалось загружать в мульды – такие вагончики, их было по три на каждом монорельсе, – руду, потом эти мульды опрокидывались в мартены.

Мы разбирали руками и ломом кучи металлолома, который привозил на специальную эстакаду магнитный кран, и тоже грузили их в мульды для отправки в печи. На металлолом сюда привозили даже немецкие подбитые танки, разорванные пушки, были и наши танки, пустые гильзы от снарядов, неразорвавшиеся бомбы, еще какое-то порванное и погнутое железо. Все это разрезали бензорезами и отправляли в мартены на переплавку. А в соседнем цехе отливали новые снаряды и пушки, пулеметы...

Прошло три месяца, и однажды, в начале марта 1943 года, мы проснулись в два часа ночи оттого, что гудят заводские трубы, паровозы, воют сирены, а над заводом стоит пламя. Мы оделись и побежали туда. Случилась страшная авария: оказывается, в печь попал то ли целый большой снаряд, то ли бомба, случился сильный взрыв, всю мартеновскую печь разворотило, оттуда полился расплавленный металл, и в нем погибла почти вся ночная смена – 25 человек. Потом этот металл, когда он застыл, разрезали на куски и похоронили вместе со сгоревшими в нем людьми, с оркестром, цветами и венками, как погибших на войне.

Однажды нас всех собрал директор заводы, помню, что звали его Иван Иванович Рыжов или Рыжий. Он стал рассказывать, как тяжело сейчас по стране приходится всем людям, но особенно тяжело ленинградцам, они в блокаде, мрут от голода...

Тянул, тянул, а ему кричат: «Да говори толком, чего от нас надо?». Оказалось, надо оторвать от себя по 300 грамм хлеба, начиная с апреля 1943 года. И мы все согласились, что надо помочь ленинградцам, и решили отдавать из своего пайка не только по 300 граммов хлеба, но и по 500 граммов макарон. Такое решение приняли и рабочие Челябинска, Златоуста, многих других уральских городов.

Краткосрочный отпуск

Прошло больше полугода со времени нашей последней мобилизации, уже вышел срок ехать домой, а начальство все молчит, как будто так и надо. Девчата начали ворчать:

«Райса, сходи да сходи, узнай, когда нас отпустят домой, сил уже нет». Я решилась и пошла после работы к директору завода Ивану Ивановичу. Он принял меня и спросил, по какому вопросу. Ну и объяснила, что прошел уже срок нашей полугодовой мобилизации, очень домой хочется, мы здесь уже восемь с половиной месяцев вместо шести, очень устали. Директор спросил, какая это у нас по счету мобилизация. Я ответила, что уже третья. Первый раз за Ульяновском строили железную дорогу на Москву, потом под Казанью рыли траншеи и строили блиндажи и дзоты, и вот сейчас здесь, на Урале. Директор послушал меня и сказал, что нам вот-вот должна прийти смена из Казани и Удмуртии. Вот с такими вестями я пришла к девочкам.

Они бросились меня обнимать, целовать. Не прошло и недели, как стала прибывать замена. И нас срочно отвезли на станцию и посадили на казанский поезд. А в Казани должны были встретить машины уже из нашего района. Меня в Казани встречал папа. Он рассказал, что молодых парней в деревне не осталось, на фронт забирают уже 42-43-летних мужчин.

А мы все ближе и ближе к дому. Вот уже и Курняле видать, а там через полтора километра Новая Амзя, и рукой подать до моей родной деревни Старая Амзя. Дома я увидела в детской, где я всегда спала, маленького ребеночка – это был сыночек сестры Асии. Все сказали, что я очень повзрослела, только похудела очень, и пообещали на домашней еде откормить меня. А я подумала: если только дадут мне пожить дома. Уже шли разговоры, что нас ждет очередная мобилизация, на этот раз в Казань, на авиационный завод.

Все так и вышло: я отдохнула дома всего два дня, как из военкомата снова принесли повестку, я и еще 14 человек должны были поехать в райцентр на комиссию. Мама снова в слезы, а папа сказал, что поедет в райцентр вместе со мной, чтобы похлопотать насчет пенсии для тети Васили из-за гибели сына-фронтовика Ильяза, – она сама ничего не сделает, так как по-русски говорить не может.

Я зашла в комнату к бабушке, а она и Василя-апа молились, чтобы комиссия признала меня негодной, и чтобы меня больше не забирали. Помолились и стали учить, что мне говорить на комиссии: что не могу нагнуться, внутри все болит, что все время голова кружится. Я пообещала, но сама-то знала, что ничего такого говорить не буду, стыдно. Да и посадить могли за обман. Вон двух из Нового Альметьево посадили на 5 лет, когда они сбежали с окопных работ из Ульяновской области. Когда их судили, даже родителей не пустили на суд, так и увезли, не дав попрощаться. Да и как это – убегать или притворяться больной, когда столько народу гибнет на войне, а нам всего лишь надо было работать там, куда пошлют, хотя и тяжело это было очень.

На Казанском авиационном

В это раз из нашего района должны были забрать на Казанский авиационный завод сразу 82 человека. Ну вот, уже сели в машину, а двоих парней не хватает – помню, что одного звали Муслим. Выяснилось, что Муслим и с ним еще один парнишка, как только получили на руки повестки, еще с вечера собрали котомки и ушли из деревни. Сказали: «Хватит, уже три года бесплатно ишачим, мы пошли на заработки, свет большой, где-нибудь пристроимся». Председатель сельсовета чертыхнулся и сказал, что они себе срок заработают, а не деньги.

Мы погрузились и поехали. Когда ехали через турдалюфский лес, машина вдруг остановилась, и шофер наш несколько раз выстрелил и закричал: «А ну ложитесь!». Мы смотрим, сбоку дороги трое парней лежат лицом вниз. Нас еще сопровождал военный по имени Аскар, вот они вдвоем с шофером связали этих троих парней (двое из них были наши, что сбежали вечером, а третий из Новой Амзи), посадили их к нам в кузов. Один из парней начал угрожать Аскару: «Мы тебя потом найдем и подвесим за ноги». Аскар заматерился и нашлепал его по губам. «Тебе, – кричал он, – воевать надо, а ты по лесу бегаешь, как заяц». И всех троих в Мамыкове сдали в милицию...

В Казани на вокзале нас уже ждали несколько автобусов и строгие мужчины в гражданской одежде. Нас привезли на авиационный завод, эвакуированный из двух городов. Меня и здесь поставили звеньевой. С нас взяли расписки, что мы никому не напишем и не будем говорить, где мы работаем и что здесь делаем, потому что это военная тайная. И даже обратного адреса для писем у нас не было – только номер, как у полевой почты.

Мы работали в копровом цеху, где отливались корпуса моторов. Для нас провели После инструктажа на выдали специальную робу – ватные брюки и толстый суконный костюм, а сверху еще плотный фартук, на ногах у нас были валенки с резиновыми подошвами. Первый месяц мы были учениками. А потом уже стали работать самостоятельно.

Мы черпали кипящий металл ковшом и заливали его в формы, было очень жарко и страшно поначалу, потому привыкли. Из отливки получались картеры, на них привинчивали шурупами по два блока, они были дюралевыми и тяжелыми, а вот поршни в цилиндрах (их было 12 на каждом картере) были из чистого алюминия, легкие и блестящие.

Мы работали в этом цеху месяц, а потом нас направили на шлифовку, грунтовку и покраску моторов. Собранные моторы отправляли на испытания. Если не все было в порядке, мотор привозили обратно, и на нем красной краской было помечено, где брак. Мотор снова разбирали, исправляли брак, собирали и отправляли опять на испытание. Случалось, что после смены сидели в цеху всю ночь, пока нам не сообщали, что все в порядке и можно идти спать. Обычно нашей бригадой, в которой было 22 человека, собирали за смену по 8 моторов. Рядом был цех, где делали корпуса для самолетов, там же после сборки проводили безвзлетные испытания. А на настоящие летные испытания самолеты увозили за 35 километров от Казани, где был специальный аэродром, там наши самолеты и обкатывались военными летчиками-испытателями.

В Казани я впервые увидела пленных немцев. Они были в тоненьких шинелях, ботинках, лица у всех черные, обмороженные (был декабрь 1943 года). Они работали на расчистке трамвайной линии от снега, а их охраняли наши солдаты с автоматами и собаками. Над немцами издевались дети, они подбегали к ним с криком: «Фрицы, фашисты!» плевали в них. Не знаю почему, но мне их стало жалко. Я-то их представляла злыми зверями со страшным оружием, а видела жалких, худых и напуганных людей, большинство из них были молодые.

Из дома приходили нерадостные письма. В колхозе не осталось ни одного здорового мужчины, многие погибли, многие вернулись калеками. Мусин Гаряй пришел с фронта без руки, Мухитдинов Карим остался без кисти руки и без глаза, Салихжан и Миннихмет – оба без одной ноги до колена, Мингани – вообще без обеих ног. А всего к весне 1944 года из 83 человек, которых дала фронту наша маленькая Старая Амзя, погибли 7 и вернулись покалеченными 11 мужчин. Говорили, что это еще ничего, в иных деревнях погибло куда больше.

Долгожданная Победа

О том, что кончилась война, мы узнали по радио. Так, как мы тогда радовались, мы не радовались больше никогда. В тот день, когда объявили о Победе, нам дали выходной, был митинг, а потом преподнесли и подарок: всех, кто желал, повезли на автобусах на городской аэродром покататься на самолетах. Один за другим приземлились три самолета с первыми пассажирами-девчонками, они выходили из них зелеными, заплаканными, почти у всех девчат подола платьев были мокрыми и скомканными – их тошнило. И тогда многие девчата, в том числе и я, когда подошла очередь кататься в самолете, отказались. Перепугались очень – что с нас, деревенских, было взять, когда мы еще совсем недавно лапти перестали носить. А с аэродрома нас всех теми же автобусами повезли в Казань на обед, в разные рестораны и кафе. Так мы отпраздновали Победу.

Но работа наша на заводе продолжалась, мы также строили самолеты. Правда, рабочий день был уже восьмичасовой и трехсменный, подъем у нас теперь был не в шесть, а в семь часов утра. 12 октября 1945 года директор завода выступил по радио и сообщил, что нам начнут выплачивать зарплату – по 50 процентов деньгами, остальное будет идти на продуктовую карточку.

Первая в моей жизни получка была 125 рублей и еще 25 рублей премии. Мы не знали, что делать с этими деньгами. Потом решили послать родителям в деревню. А с 1 декабря нам начали давать и отпуска – по 18 дней! Составили списки, из нашего звена первыми в отпуск уходили три девчонки, в том числе и я. А всего в отпуск разрешили уехать сразу 100 девчонкам. И 3 декабря 1945 года на заводских машинах меня и еще 52 девчонки повезли по домам (кому было дальше, те поехали на поезде).

Дома меня не ждали, поэтому надо ли говорить, сколько было радости, слез при встрече с родителями, родными, знакомыми? Эта радость пришла на смену печали, вызванной письмом из далекого китайского города Чань-Чунь. Там лежал в госпитале мой брат Акрам. Как только ему исполнилось 18, его забрали в армию. Он воевал с японцами, был пулеметчиком на мотоцикле, и его ранили в руку и ногу.

Вечером все сидели за столом у нас, меня расспрашивали, как там нам живется в Казани, все удивлялись, какая я стала совсем взрослая и серьезная (будешь тут взрослой, если с 16 лет вкальываешь на таких работах, что иному мужику не под силу).

Дни отдыха пролетели быстро, и 21 ноября мы все уже были на заводской проходной – за нами прислали машины. И снова – отливка, полировка, сборка и покраска авиационных двигателей. А с января 1946 года наш цех начал осваивать выпуск мирной продукции: мы стали отливать из алюминия еще и дюралюминия кастрюли, сковородки, кружки, бидоны. Стране не хватало посуды, и мы ее делали.

Весной 1946 года тяжело заболела моя мама, и мне разрешили уволиться с завода. Я помогала папе дома по хозяйству, да и колхоз меня тут же «прибрал к рукам». Я возила на паре быков солому для подстилки телятам, а потом семенное зерно с Нурлатского элеватора – вот-вот должна была начаться посевная. В дороге до Нурлата и обратно нас сопровождали трое военных с оружием, потому что в лесах все еще бродили дезертиры.

Я думала, что с мобилизацией уже все покончено, ведь в стране шла, хоть и все еще тяжелая, но мирная жизнь. Но ошиблась: 11 мая 1946 года была снова мобилизована, на этот раз в Архангельскую область. Там мы выкорчевывали пни на огромных лесных участках, деревья с которых были спилены еще до нас. Потом с этих пней спиливали корни, и их, уже ровненькие, вывозили в порт и грузили их на баржи. Говорили, что их отправляют в Америку.

Здесь я проработала все лето и вернулась домой только в конце сентября 1946 года. Это и была моя окончательная демобилизация.

Антон Валентинович Мукто

Строчил пулемётчик

Маленькая Эвенкия (население её в 1941 году составляло немногим более 10 тысяч человек) отправила на фронты Великой Отечественной войны 1842 бойца, из которых домой не вернулись около 500. По призыву и на добровольных началах на войну уходили как русские, так и представители многих других национальностей, живших на то время в Эвенкии, в том числе, разумеется, и эвенки. Среди них был и промысловик Антон Мукто. Он ушел на фронт на втором году войны и оказался среди тех счастливицков, кто выжил в горниле этой чудовищно войны и вернулся домой. Правда, весь израненный, но зато с наградами за проявленные мужество и доблесть в боях с немцами.

– Меня на фронт сразу не взяли, председатель окрисполкома Давыдкин не пускал, бронь дал, сказал: кто-то должен и в тылу работать, – рассказывал мне Антон Валентинович Мукто в 1995 году, накануне очередного юбилея Победы. Я его нашёл в больнице – он тогда прихворнул, давление донимало. Все же семьдесят пятый год тогда шёл ветерану, за плечами которого была не просто достаточно долгая, но и наполненная многими испытаниями, лишениями жизнь.

Когда началась война, Антон Мукто вместе со своей семьей, в которой, помимо него, было ещё одиннадцать детей, жил на фактории Виви. Отец его умер рано, еще в 1936 году. Большой был трудяга, но один не в силах был прокормить такую большую семью. Поэтому с ранних лет приобщил к труду и Антона, как старшего из сыновей. Парнишка из-за того, что надо было во всём помогать отцу, так и не пошёл в школу. Уже в тринадцать лет он начал самостоятельно охотиться, добывал в тайге белку, горностая, колонков и сдавал в заготпункт. И этот его приработок был весомым подспорьем в большой, не избалованной достатком семье.

С малых лет, чувствуя себя в тайге как у себя в доме, Антон быстро стал одним из добычливых промысловиков в Илимпейском районе. Лёгкий на ногу, он в поисках лучших для охоты мест запросто проходил по тайге десятки километров, метко стрелял из своего выдавшего виды ружья-«переломки».

В 1939 году Антон стал комсомольцем. И в том же году его, как лучшего промысловика, исполком окрсовета утвердил участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Вот что писалось в постановления окружного комитета ВКП (б) и исполкома окрсовета от 18 декабря 1940 года по поводу успехов молодого промысловика: «А. В. Мукто – члена Вивинского ППО [Простейшее Производственное Объединение], участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в IV квартале 1940 года добыл пушнины на сумму 4 тысячи 918 рублей, премировать ружьем центрального боя».

Антон сумел добиться высочайшего результата по Эвенкии – в день он мог добыть до 40 белок.

За лучшие показатели по добыче цветной пушнины Главный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки присудил Анатолию Мукто Малую серебряную медаль, а исполком Эвенкийского окрсовета в 1940 году вторично утвердил его участником ВСХВ на 1941 год.

Кстати, вот это умение без промаха бить в цель и определило в дальнейшем военную судьбу.

– Хотя и небольшая была наша Виви, – вспоминает Антон Валентинович, – но когда началась война, от нас за один только раз на фронт ушли сразу шесть человек. А потом ещё и ещё... Меня же всё не берут и не берут. Ну, потом всё же добился, чтобы и меня открепили от брони и взяли на фронт. А то как-то нехорошо получалось: мои земляки там воюют, гибнут, а я в тылу прохлаждаюсь...

В августе 1942 года Антона Мукто и с ним ещё троих односельчан отправили в Красноярск – по Нижней Тунгуске, по Енисею. В краевом центре ему пришлось провести целых шесть суток – спать, где попало, есть, что найдется, пока его и других новобранцев, наконец, переправили на пересыльный пункт. Там их продержали еще пару недель, отсортировали – кого куда и в какую команду направить. Так Мукто очутился в Иланском. Здесь из сибиряков формировали лыжный стрелковый батальон и почти до конца 1942 года обучали всяким военным премудростям. Мукто всё схватывал на лету. Впрочем, для него это было несложно: на лыжах он и так умел ходить, меткости в стрельбе сам мог обучить кого угодно.

И лишь после всего этого их батальон погрузили в эшелон и отправили на фронт. Через несколько суток пути на какой-то станции их выгрузили, считай, в чистом поле, поставили на лыжи – и вперед. Маршрут был в направлении Калининской области, до которой от места выгрузки – ни много ни мало – 700 километров. И вот весь этот путь на передовую сибиряки проделали на лыжах. В первый день сделали 50 километров, во второй – 60.

Сначала шли ходко. Полевая кухня плелась где-то сзади, а батальон, навьюченный стрелковым оружием, немудрёными солдатскими пожитками в заплечных мешках, в белых масках-латах поглощал километр за километром, только снежная пыль столбом стояла.

Питались всухомятку, горячее ели только через день-другой, а то и на третий, потому как кухне надо было где-то останавливаться, раздобывать дрова, растапливать снег на воду, варить кашу и уж потом догонять батальон, учесавший к тому времени на десятки километров.

Но через неделю почти непрерывного пути, когда и спать приходилось почти на ходу, люди стали выдыхаться. Немало солдат тогда погибло, так и не дойдя до передовой, – отставали от колонны, падали в снег и засыпали. А это верная гибель. Замерзали и на привалах, кому не доставалось места у костров.

И всё же к месту назначения батальон дошёл. И, как оказалось, напрасно: ситуация изменилась, сибиряки в этом месте уже не понадобились. И погнали батальон, так и не понюхавший пороху, но уже понёсший потери, обратно.

Сибиряки были злые как черти, что вот столько километров пришлось отмахать и после этого не отыграться на немцах. Впрочем, отыгрались позже. В войне уже наступил перелом, фашистов начали гнать с нашей территории.

Антон Валентинович в беседе со мной уже с трудом вспоминал названия тех деревенок, городов, которые приходилось брать с боем. В памяти остались лишь важнейшие из них, где и немцев побили много, и где своих оставили – не счесть: Ржев, Курск, украинские сёла. Весь 1943 год Мукто был на передовой в самой гуще боёв. Его верный «максим», самый популярный станковый пулемёт в наших войсках, изрыгнул не одну тысячу смертоносных пуль.

– Много ли немцев положили вы лично, Антон Валентинович? – с почтением спрашивал я своего собеседника.

– А чёрт его знает! Стреляю – вижу, падают. Не считал. Но много, однако, – подумав, сказал он.

Пулемётчики всегда шли в первых рядах наступающих. Выдвигались на передовой рубеж и поливали раскалённым свинцом вражеские траншеи и окопы, подавляли их огневые точки. Без поддержки пулемётчиков пехоте наступать было бы очень скучно. При отражении вражеских контратак опять же большие надежды всегда возлагаются на пулемётные расчёты. Ну а если он ещё при этом не пуляет в белый свет как в копеечку, а каждая третья-пятая пуля

находит свою цель, как это умел делать Мукто, такому расчёту цены нет. Вот почему командир роты Александр Ера был буквально влюблён в своего пулемётчика, промысловика из далёкой неведомой Эвенкии.

Офицер так и говорил:

– Многие из нас, Антоша, обязаны тебе жизнью. Но смотри, не зазнавайся!

Однако Антону такое чувство было вовсе неведомо. Он просто исправно выполнял свою работу и, как бывало в тайге, экономно расходовал патроны, стараясь всегда попадать в цель. По сути, он был тем же снайпером, только не с винтовкой с оптическим прицелом, а при пулемете. Конечно, бить врага в глаз, как он это проделывал в тайге при охоте на пушных зверьков, удавалось не всегда. Ведь сделать это при автоматической стрельбе из пулемёта, за минуту выплёвывавшего сотни пуль, было непросто. Поэтому Мукто стрелял короткими очередями и бил наверняка. Кого в глаз, кого в бровь, кого в его вражеское сердце. А когда надо было не дать немцам поднять головы, чтобы наступающие красноармейцы добежали до их расположения с наименьшими потерями, накрывал окопы плотным огнём.

Урону фашистам пулемётный расчёт Мукто наносил немало, поэтому на него всегда велась охота: старались накрыть снарядом или миной, забросать гранатами, поразить из обычного стрелкового оружия, из пулемёта. И небезуспешно, надо признать. За время участия в непрерывных боях А. В. Мукто был ранен шесть раз: в ноги, руки, корпус. Его тело рвали минные и снарядные осколки, пронзали пулемётные и винтовочные пули.

После каждого из пяти первых ранений Мукто, подлечившись в госпиталях, вновь становился в строй, причём всегда возвращался в свою часть, к своему верному, выдавшему виды «максиму», и рота облегчённо вздыхала: «Живём, наш Мукто им сейчас задаст!» И он давал фашистам прикурить. Пока шестое ранение окончательно не выбило его из строя.

На санитарном поезде Антона Валентиновича в 1944 году из Украины повезли в Казахстан. Лечили по дороге, лечили в госпитале, разместившемся в степном пыльном городке Алга. Поправился вроде пулемётчик, тем не менее, врачи не решались больше отправлять его на фронт, поскольку Мукто мог уже служить наглядным пособием для начинающих медиков по характеру и видам ранений.

Так что комиссовали таёжника подчистую, и отправился он в родную Эвенкию многовёрстным путём через Ташкент, Алма-Ату, Новосибирск, Красноярск и далее по Енисею и Нижней Тунгуске.

Таёжная фактория Виви встретила его безлюдьем: отсюда к тому времени на фронт ушли уже 18 мужчин, практически вся наиболее трудоспособная мужская половина населения этого маленького эвенкийского стойбища. Ушёл на фронт и младший брат Антона Александр, впоследствии погибший в Берлине в 1945 году, как и подавляющее большинство почти двух десятков вивийцев-фронтовиков. Из участников войны, мобилизованных из Виви и вернувшихся домой, дольше всех продержался Антон Валентинович. Пережил он и всех членов своей некогда большой семьи. Но всё это было потом.

А тогда, в 1944-м, даже толком не отдохнув после ратных трудов, он включился в мирную работу: выпасал оленей, добывал пушнину. Сначала работал на колхоз имени Сталина, который был образован на фактории Виви. Позже, когда высокое начальство посетила «идея» объединить все мелкие эвенкийские поселения в более крупные, – трудился уже на колхоз «Верный путь» в селении Уча ми, куда были переведены все вивинцы.

– Всё там бросили – жилье, промыслы, пастбища. А ведь какое хорошее место было! – с сожалением вспоминал Антон Валентинович. – Потом избушки из Виви пришлось переправлять в Учами, ведь тут почти ничего не было. Нет, неправильно, по-моему, сделали начальники: это Учами надо было переводить на Виви...

Но что сделано, то сделано. Обосновавшись в Учами, Антон Валентинович занялся тем же, чем всегда: оленеводством, охотой. А известен он стал всей Эвенкии именно как знат-

ный оленевод. Ещё бы: приняв бригаду, в которой было 800 оленей, он через три года добился увеличения стада почти до четырёх тысяч голов. Ему завидовали, просили поделиться секретом, при помощи которого он достигает таких результатов.

– Да, секрет у меня есть, – рассказывал Антон Валентинович, выступая перед молодыми пастухами на слете оленеводов округа. – Совсем простой секрет: рано встаю, поздно ложусь, меньше чая в чуме пью, больше в тундре за оленями слежу. Вот и весь мой секрет. Отдаю его вам, молодым. Уверен, возьмете в свою копилку – скоро обгоните.

Простите меня, дядя Вася...

Вчера, выйдя на прогулку, увидел у соседнего подъезда карету скорой помощи. Дом у нас довольно большой, сто с чем-то квартир, и скорую во дворе можно увидеть нередко, особенно вы такие вот межсезонные дни, когда погода никак не «устаканится», отчего метеозависимые люди очень страдают. Но чаще всего медики приезжали по вызову именно ко второму подъезду. Здесь, я знал, живет единственный в нашем доме участник войны дядя Вася.

Он часто в погожие дни выходил на прогулки, но за территорию дома никогда не уходил, а быстрым шагом и бодро постукивая по асфальту тростью, делал несколько кругов по внутреннему периметру двора и усаживался отдыхать на скамью у своего подъезда.

Прошлой осенью я присел к нему, мы разговорились, вот тогда я и узнал, что Василий Иванович (он разрешил мне называть его дядей Васей) воевал, был на фронте шофером, подвозил на своем грузовике снаряды артиллеристам, вывозил раненых, попадал под артобстрелы, бомбежки, несколько раз был ранен, очень сильно контужен. Из-за этой контузии его, после лечения в госпитале, и списали вчистую за год до Победы.

Он вернулся в свой Иланский район, откуда уходил на фронт в 1941, с боевыми наградами, и продолжил шоферить – до самой пенсии и еще лет десять после выхода на нее. Женился, детей с женой нарожал, по-моему, троих. Когда пережил любимую супругу, старшая дочь забрала его к себе в город, вот в этот наш дом.

– Она у меня врач, и это благодаря ей я еще жив, – покашливая и слегка подергивая головой, рассказывал дядя Вася. – У меня уже два инфаркта было, доча оба раза вытаскивала, считай, с того света, спасибо ей...

– Дядя Вася, а давайте я про вас напишу, – предложил я Василию Ивановичу, сказав, что я журналист. – Только нам с вами надо будет немного подготовиться. Вы свои наградной пиджачок с орденами и медалями наденете (я нисколько не сомневался, что он у него есть), я диктофон и фотоаппарат с собой возьму, и мы с вами более подробно поговорим о вашей жизни. Хотите – я к вам домой приду, а можем и на лавочке вот так же посидеть.

И он вроде согласился. Но когда я, в назначенный день и час, вышел во двор и подошел к лавочке, на которой (минута в минуту!) дожидался Василий Иванович, он огорошил меня неожиданным отказом более подробно поговорить со мной.

– Дочь запретила, – конфузясь, сообщил мне фронтовик. – Сказала, что мне ни в коем случае нельзя волноваться, а то сердце опять может... того...

Я, конечно, немного расстроился. Но понимал, что дочери-врачу, все последние годы «ведущей» своего немолодого (под 90 лет уже) больного, израненного отца, виднее, что ему можно, а чего нельзя. А Василий Иванович, если начнет вспоминать про войну более детально, чего я от него непременно стал бы добиваться, конечно, разволнуется, а там и до беды недалеко. Вон у него и так уже пальцы на рукояти трости стали мелко дрожать.

И я не стал ни диктофон вынимать, ни фотоаппарат расчехлять. Посидев с дядей Васей для приличия немного, вернулся домой. Но затею свою расспросить его более подробно не оставил. Решил, что, спустя какое-то время, когда Василий Иванович подзабудет это несостоявшееся интервью, опять к нему подсяду с включенным в кармане диктофоном и постепенно, исподволь, выведу недостающую для полноценного очерка информацию и все равно напишу о нем. А когда распечатаю очерк на бумаге и дам ему предварительно почитать, тогда дядя Вася уже и сфотографироваться не откажется.

Но Василий Иванович все не появлялся и не появлялся во дворе. Вот уже и Новый год прошел, и непривычно теплый февраль – самое время для прогулок! – перевалил за первую декаду, а знакомой, слегка согбенной фигуры я так больше и не увидел.

И вот вчера увидел эту скорую и подумал: не к Василию ли Ивановичу она приехала? И спросил об этом на выходе со двора у охранника, вышедшего покурить из своей будки.

– Это который фронтовик, что ли? – позевывая, переспросил охранник. – Так он помер, перед самым Новым годом. Вот так же скорая приезжала, только рано утром, как раз в мое дежурство. Да только зря – инфаркт у деда был – обширный, говорят, не откачали. А к кому в этот раз скорая приехала, я даже и не знаю...

Не скажу, что я был потрясен – мало ли пережил-перевидал смертей за свои шестьдесят три года, а эта была вполне ожидаема, – но очень опечалился. Вот еще одним участником великой, жестокой и кровопролитнейшей войны, стало меньше. И я, к великому своему сожалению, не успел написать о Василии Ивановиче при его жизни – о том, как он крутил баранку на фронтовых дорогах, под свист пуль и грохот разрывов снарядов и бомб.

Как рвали его тело осколки вражеского металла, но он, оправившись от ран, снова садился за руль, но уже другой полуторки (прежнюю, безнадежно покалеченную снарядом, списали). Как в мирной жизни он остался верен фронтовой профессии и наматывал на колеса машины десятки тысяч километров, развозя нужные для восстановления подорванного войной народного хозяйства грузы.

Как болели его раны и раскалывалась от ужасного гула и звона контуженная голова, когда менялась погода или когда кто его сильно расстраивал. Но он не мог валяться долго на койке – его гнали за баранку профессиональный долг и обязанность перед государством и семьей, которую надо было кормить.

И хотя не было моей вины в том, что я обо всем этом не написал в очерке про Василия Ивановича – так уж сложились обстоятельства, – все равно я чувствую себя перед ним виноватым. Простите меня, дядя Вася! И пусть хоть эти скупые строки послужат памятью о вас, славном воине и неутомимом труженике фронтовых и мирных дорог...

Приключения Бориса Едомина

С Борисом Матвеевичем Едоминым я познакомился в конце 90-х, когда он пришел в редакцию окружной газеты «Эвенкийская жизнь» со своей проблемой – не решался вопрос предоставления ему жилья на материке как северянину с большим стажем. Мы вместе подготовили заметку о его мытарствах, и вскоре, после ее опубликования, Борис Матвеевич Едомин таки получил квартиру в Набережных Челнах, куда и уехал вскорости. А я еще первой встрече сразу обратил внимание на орденскую колодку на потертом пиджаке деда.

– Воевали?

– Было дело, – подтвердил Борис Матвеевич. Мы разговорились, в результате появились вот эти заметки.

Борис Едомин родился и рос в Ижевске, после шестого класса поступил в ремесленное училище, выучился на токаря. С начала войны работал на машиностроительном (на самом деле – оружейном) заводе №74, который гнал различные виды вооружения для фронта: винтовки, автоматы, пулеметы, пушки. Борис вытачивал на своем станке шпалеры – стальные заготовки для автоматных стволов. Когда потерял им счет, решил, что хватит только делать оружие, пора и самому пускать его в ход. Пошел в военкомат, откуда его направили в ШМАС – школу младших авиационных специалистов. А в 1944 году семнадцатилетний сержант Борис Едомин направляется в действующую армию – в полк дальней бомбардировочной авиации.

На вооружении полка были двухмоторные и двухкилевые ночные, снизу выкрашенные в черный цвет, бомбардировщики Ер-2. Экипаж самолета состоял из пяти человек. Борис Едомин был стрелком. Он помещался сзади пилотской кабины в специально оборудованном стрелковом гнезде с застекленным фонарем, из которого грозно выглядывал ствол 20-миллиметровой скорострельной турельной пушки с электроприводом. Кроме того, на вооружении Ер-2 было еще два пулемета. Одним словом, неслабый был самолет, если учитывать, что он сбрасывал на головы противника бомбы весом от центнера до полутонны.

Первый боевой вылет Борис Едомин со своим экипажем совершил на Будапешт, из местечка Замостье, что под Варшавой. Слетали удачно, отбомбились точно в цель, что подтвердила и аэрофотосъемка – она всегда велась параллельно с бомбежкой. А потом были ночные «визиты» на Берлин, на Кенигсберг.

Особенно массовой бомбежке подвергалась столица фашистской Германии. На нее одновременно с запада и востока набрасывались сотни самолетов – советских, американских, английских. Действия союзников были согласованными, у каждой стороны в небе были свои эшелоны, в городе – квадраты, и над Берлином весной 1945 года постоянно стоял несмолкаемый самолетный гул. Вот когда немцы на своей шкуре по-настоящему испытали то, что в начале сороковых несли на своих смертоносных крыльях армады «люфтваффе» и обрушивали на города Европы и СССР. Когда, наконец, сами поняли, что война – это «не есть хорошо».

Чем поразил Едомина Берлин – так это сплошным огненным заревом. В результате непрерывных бомбардировок город был охвачен огромным, от края до края, пожаром. В первые дни бомбардировок самолеты вначале спускали на парашютах осветительные бомбы – САБы, чтобы сверху лучше было видно, куда бросать боевые бомбы. Ну а позже, когда ночные вылеты стали чем-то вроде регулярных вахт и немцы были уже не в состоянии справиться с пожарами, надобность в предварительном освещении отпала: город в свете огненного зарева был виден как на ладони.

Что при этом испытывал семнадцатилетний парень, на долю которого выпала, так сказать, историческая миссия: уничтожение агрессора в его собственном логове?

– Чувства мести у меня не было, – честно признавался Едомин. – А вот удовлетворение и что-то похожее на гордость я испытывал. Ведь сколько наших солдат погибло, не дождавшись этого часа – когда Берлин будет гореть так же, как горели наши города. А я только-только попал на войну. И мне вот так неслыханно повезло – пришлось своими глазами все это не только видеть, но и самому участвовать в бомбардировках Берлина.

На счету Бориса Едомина с августа 1944 года по 9 мая 1945 года оказалось 37 боевых вылетов. За это время полк, в котором служил Едомин, потерял пять самолетов. Могло быть и шесть, включая тот, на котором летал он сам. Спас Ер-2 и весь его экипаж стрелок Борис Едомин. Причем, совершенно невероятным, фантастическим образом. А дело было так (случай этот, божился Борис Матвеевич, описан в сборнике рассказов писателя Леонова «Голубой луч», в рассказе «Секретное оружие». У самого Едомина этой книги не сохранилось, я ее тоже нигде не нашел, так что поверил фронтовику на слово).

При подготовке едоминского самолета к боевому вылету аэродромный оружейник, в обязанности которого входило регулирование стрелкового оружия самолетов, забыл вынуть трубку регулирования прицела из пулемета.

Экипаж под командованием майора Жданова благополучно отбомбился по Кенигсбергу и уже на рассвете возвращался в свое расположение. Летели невысоко, так что на земле можно было различить вражеских солдат. И тут, откуда ни возьмись – «мессер», заходит в хвост Ер-2. Едомин спокойно ловит его в перекрестье прицела, нажимает на педаль спускового механизма. Но вместо очереди – непонятный хлопок и необычно сильная отдача. «Мессер», хотя и остался цел и невредим, на всякий случай отвалил.

– Почему не стреляешь, так твою растак?! – раздался в наушниках раздраженный голос командира. А Едомин сам ничего понять не может. Тут «мессер» снова пристраивается в хвост, причем лезет в наглую, Едомин даже рассмотрел ухмыляющуюся рожу немецкого пилота. Борис для устрашения поворачивал турелью и только тут понял, почему немец перестал его бояться. У пулемета не было дула – первые снаряды из выпущенной очереди, столкнувшись с трубкой регулирования, взорвались в стволе и обрубили его.

Едомин похолодел: сейчас «мессер» вдребезги разнесет из своей пушки сначала его стрелковое гнездо вместе с ним, а потом подожжет и самолет. В сильнейшем волнении Борис соскочил с места, сильно дернул фонарь. Стеклообразная полусфера оторвалась вместе с рамой и врезалась в нос вплотную преследующего их «мессера». Пилотская кабина немецкого самолета буквально взорвалась стеклянным блестящим облаком, и ошарашенный «мессер» вильнул.

– Ага, не нравится! – ликующе закричал Едомин и, подчиняясь безотчетному порыву, стал хватать лежащие у него под ногами пятикилограммовые пачки листовок с призывом к немецким солдатам сдаваться (ими снабжали все наши бомбардировщики для разбрасывания над расположением противника) и швырять их в ненавистный «мессер», опять пристраивавшийся к ним в хвост. Пачки на лету разрывались, и немецкий истребитель оказался весь окутан белым бумажным облаком. Продолжалось это безумство не минуты даже – секунды. Когда Борис нагнулся за очередной пачкой листовок и, не найдя их больше, выпрямился, «мессера» в пределах видимости уже не оказалось.

Произошло невероятное: ослепленный немец резко ушел вниз и врезался в землю.

За этот подвиг, а вернее будет сказать, за находчивость старший сержант Борис Едомин был награжден орденом Красной звезды. Кроме того, за неполный год участия в Великой Отечественной войне он был также награжден двумя орденами Отечественной войны, медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина» (Едомин принимал участие в 15 его бомбардировках, был ранен осколками близко взорвавшегося зенитного снаряда), «За взятие Кенигсберга». И «За победу над Японией» – ему довелось послужить и на Дальнем Востоке.

После войны их авиаполк перебазировался в Михановичи, что в сорока километрах от Минска. Он сменил не только место дислокации, но и самолеты – теперь это были Ту-4, фак-

тически немного переделанные американские «летающие крепости» Б-26. Машины огромные, мощные, с экипажем в одиннадцать человек. Полк нес боевое дежурство в небе над Белоруссией, Украиной и Молдавией. Иногда самолет садился в Польше, что не было предусмотрено никаким маршрутом. В машину загружали, выгружали какие-то ящики,

тюки. Что именно – Едомина не особенно интересовало, на то были отцы-командиры, они знали, что делали. Но в один прекрасный день наши же средства ПВО вынудили самолет сесть в Бресте. Набежали особысты, таможенники. Оказалось, что пилоты совмещали боевое дежурство с... контрабандой.

Махинациями занимались офицеры, а отвечать по всей строгости закона пришлось всему без исключения экипажу. Трибунал вlepил им на всю катушку, не пощадили никого. Командир самолета, майор, летчик-ас, награжденный двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, тем не менее, получил 25 лет. Остальные офицеры – по 20 лет. Едомин «отделался» 10 годами, хотя при контрабандных делах сих присутствовал не более чем статистом.

Срок отбывал в Каргополе, это в Архангельской области.

– Кого только не было в нашем лагере! – вспоминал Борис Матвеевич. – Полковники, генералы, профессора, академики. Вместе с нами тянула лямку и Ольга Окуневская. Ну, она еще в «Пышке» главную роль играла, в «Ночном патруле». Ей, говорят, приписали связь с Тито...

Сподобился и Едомин стать в лагере артистом. Он, еще будучи пацаном, принимал участие в художественной самодеятельности, танцевал. Не скрывал своих талантов и в лагере. Его заметил отбывающий срок за что-то – да мало ли за что тогда сажали! – заслуженный артист иллюзионист Граник и взял к себе ассистентом. Из заключенных, обладавших артистическими данными, была сколочена специальная бригада, которая разъезжала по лагерям и давала пропагандистско-увеселительные концерты как зекам, так и их охранникам.

Особых физических тягот при отбывании незаслуженного наказания Борис не испытывал. Но морально травмирован этой несправедливостью был навсегда. Чтобы не навредить родителям, перестал поддерживать с ними отношения. А освободившись, поехал не домой, а в Сибирь. Пятнадцать лет жил в Саянах, был охотником. Сошелся там с одной женщиной, с ней и переехал в Эвенкию в 1976 году. Устроился на работу в совхоз «Нидымский» промысловиком – пушнину добывал. И здесь совершенно случайно встретил своего бывшего сослуживца Юрия Савельева, тоже воздушного стрелка. Он после войны подался в геологию и работал в Туре в Восточно-Сибирской экспедиции «Шпат». Вот Савельев-то, узнав всю историю со взлетом и падением Едомина, помог ему в восстановлении всех его документов как участника войны через Москву, поскольку все это время Борис Матвеевич жил практически как человек без прошлого. В котором, между прочим, были не только лагерные годы, а и отмеченное его личным подвигом участие в войне, послевоенная служба в ВВС, за что полагались льготы, почет и уважение.

Лишь через 29 лет после того, как угодил в лагерь, Борис Матвеевич вступил в отношения со своей семьей – уже как человек, полностью восстановленный в своих правах, признанный как защитник Отечества, ветеран войны. Разыскал своих сестер, ездил в Ижевск. Встретил там объект своей первой юношеской любви. Она уже была замужем, он – в гражданском браке с другой женщиной. Но разве эти условности – преграда для двух людей, вновь обретших друг друга? Они тайно встречались несколько раз. А когда Едомин уехал обратно в Эвенкию, его первая любовь слала ему в далекую холодную Сибирь печальные, полные нежности письма. Но к Борису они не попадали: их перехватывала каким-то образом на почте его сожительница и пересылала со своими комментариями на работу мужу «разлучницы» в Ижевск, на нее саму – в партком. Естественно, скандал, у мужа той женщины – инфаркт, смерть. Узнав об этом, Борис Матвеевич просто прогнал от себя свою не в меру ревливую ревнительницу нравов. С тех пор жил один.

В Эвенкии он кем только не работал: был начальником авиаплощадки в заполярном поселке Чиринда, начальником авиапорта «Горный» в окружном центре (хотя вначале просто кочегарил здесь), завхозом и строителем турбазы на озере Виви – недалеко от него есть место, официально признанное Географическим Центром России. У Едомина в гостях на Виви бывали даже наши космонавты с известным путешественником Яцеком Палкевичем. Но больше сего Борису Матвеевичу нравилось быть просто охотником, и он много лет подряд заключал договоры с совхозом или леспромхозом и на месяцы уходил в тайгу, промысливать соболя. И как тут напоследок не рассказать еще одну историю, едва не стоившую нашему герою жизни?

Зимовал Едомин в тот год на таежной речке Таймуре, причем – без оружия (охотинспекция изъяла за какой-то грешок, за какой – Едомин застеснялся, да так и не рассказал мне). А тут повадился медведь лазить к нему на зимовье. Пока Едомин ходит по путику, проверяет капканы, косолапый хозяйствует в зимовье, все его припасы уничтожает и портит. Осерчал Борис Матвеевич, поставил на него петлю из двойной бельевой веревки. Рассчитывал, что мишка попадет в нее башкой, да сам задавится. А косолапый попал в петлю задней лапой. Оборвать ее не смог, перегрызть почему-то не догадался, вот и крутился, вертелся вокруг дерева, да и примотал себя к нему вплотную. Два дня подряд ревел благим матом, спать не давал Едомину. Не выдержал Борис Матвеевич, взял топор и пошел «успокаивать» косолапого.

Подобрался к нему со всей осторожностью, приложился топором, да не точно. Взревел медведь и как махнет когтистой лапой – Едомин так и улетел без сознания (два ребра сломал ему медведь, да плюс к этому сук глубоко пропорол Борису Матвеевичу ногу, так что в больнице потом пришлось не одну неделю отлеживаться). Когда пришел в себя, с трудом выполз на берег Таймуры. На его счастье, мимо проплывали на моторке другие охотники. Они-то и оказали Едомину первую помощь и, наконец, утомонили медведя...

Вот такая сложилась судьба у простого российского мужика – хоть сейчас пиши с нее сценарий да снимай кино. Я не знаю, дожил ли Борис Матвеевич до сегодняшнего дня, ему ведь еще тогда, при нашем знакомстве, было за семьдесят. Но в любом случае в моей памяти и в этих вот заметках он сохранился как человек беспримерного мужества, стойкости и отваги. Именно на таких как Борис Едомин держалась и держаться будет земля наша.

Сбежал парнишка на войну...

Во все времена в лихую для нашей страны годину рядом со взрослыми защитниками Отечества старались встать с оружием в руках – и у них это получалось! – и подростки. Вот об одном таком юном герое, Володе Львове, с которым я познакомился в его уже зрелые годы в Эвенкии, и хочу сегодня рассказать.

Родом из Торопца

Есть в Тверской (Калининской) области древний город Торопец. Здесь с тринадцатого века существовала крепость, стоявшая на западной границе Смоленского княжества. Вся история Торопца связана с бесчисленными отражениями нашествий литовцев, поляков, шведов, германцев, других захватчиков. Поэтому торопчане, или, как их раньше называли, кривичи, из поколения в поколение воспитывались в духе воинских традиций, готовности всегда дать отпор незванным гостям.

В роду у Львовых все мужчины – что прадеды, что деды, а также отец Володи, братья, – все в своё время стояли под ружьём, участвовали и в русско-турецких кампаниях, в первой империалистической и последующих войнах. Не один из этого рода сложил свою голову или получил увечье. В 1941 году настала очередь встать в ряды защитников Родины и юному, пятнадцатилетнему Володе.

Когда Молотов выступил по радио с известием о нападении на СССР гитлеровской Германии, почти всё мужское население Торопца пришло в движение: кто добровольно отправился в военкомат, кто уже с повесткой.

Дядя Володи, Василий Николаевич, был призван на сборы из запаса ещё восемнадцатого июня. И в первый же день войны лагерь запасников попал под жестокую бомбёжку. Люди, не успевшие даже надеть обмундирование, практически все погибли. В родной Торопец вернулись только двое из них. А вот отец Володи, Иван Николаевич, воевал в армии Катукова, был ранен, контужен, но вернулся домой с Победой и дожил почти до ста лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.